


МИХАИЛ БУКАНОВ

Арабески

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА



Михаил Буканов
**Арабески. Приключения
и фантастика**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24433190
ISBN 9785448534102*

Аннотация

Вам предлагается несколько необычный вид того жанра, который ранее назывался фантастикой, а ныне поднялся в ранге и гордо именуется «фэнтези». В позиции автора улавливается влияние братьев Стругацких, Севера Гансовского, Лукьяненко, Шекли и Каттнера. Но никто не может исключить и такую версию, как полностью самобытное творчество, что тебе и предстоит решать по прочтению. Никакой особой подготовки не требуется! Правда, это при условии невыискивания тайных смыслов и междустрочных сообщений.

Содержание

Снайпер	5
Вот такие дела!	14
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Арабески Приключения и фантастика

Михаил Буканов

© Михаил Буканов, 2017

ISBN 978-5-4485-3410-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Снайпер

Ах, зачем я влюбился? И, конечно, страдаю,
Мой кораблик разбился, я теперь пропадаю.
Эта песня без толка и без всякого смысла,
Одинокого волка в атмосфере повисла.
Мы вообще-то пираты, санитары морей.
Без вины виноваты, так приди же скорей!

Однако, подумал Авессалом! Может по случаю сочинения похожего опуса и повесился на собственных волосах тот древний парень, имя с которым мы носим одинаковое. А вот ещё красивое имя есть Галактион! Интересно, чем руководствуются родители давая детям необычное имя? Хоть бы кто подумал, ему, мол, с этим псевдо по жизни шагать. Но, хрена! Родители только о себе и думают. Вот я, кто? Авес или Салом? В смысле, салам что ли? И какое отчество у моей, к примеру, будущей дочери будет? Авессаломна? А сына Авессаломович? Чудненько! Простенько и со вкусом! Правда сказать, все с детства называли его и в семье и во дворе Васей. Родители снайпера, учительница начальных классов и заводской бухгалтер, решили красиво назвать сына. И, слава Богу! Могло быть много-много хуже. Какой-нибудь Лапанальд, например. Что означало, «лагерь папанинцев на льди-

не!» А то и Терриконом. Были среди друзей примеры, ох, были! Однако, пора нам и честь знать! И старшина Авессалом Иванович Степанов тихо скользнул в ночную мглу. Наступало его время. Время охоты! Окончился в конвульсиях, крови и боли второй год войны. Сентябрьская ночь не сулила ни тепла, ни отсутствия дождя. Но это и было хорошо! Пока темнота скрывала позиции батальона, он должен был через проход в минном поле выбраться на нейтралку и оборудовать там, в заранее присмотренном месте, свой, снайпера, схрон. Не так давно отгремели страшные, кровавые бои на Курско-Белгородском направлении. Армии и дивизии шли в прорыв, а вот здесь, в центральной полосе России, велись бои местного значения. Эта часть центрального фронта, прикрывавшая Москву, тоже готовилась атаковать. Народная Великая Отечественная война началась для вчерашнего мальчишки-школьника, только в начале июня 1941 года получившего аттестат зрелости, с утренних пробежек в составе Подольского пехотного училища. Командир взвода пехотного! Будущих лейтенантов готовили тщательно, вдумчиво и умело. Стрельбище, теоретическая подготовка, физическая, плавание, бег, рукопашный бой – всё было. Вот только времени не было. Враг рвался сюда, к Москве. И осенью получилось так, что на его пути встали пацаны призыва этого года. Мальчики, хотевшие стать лейтенантами и воевать, погибли почти все в курсантах, а вот наш Степанов выжил. Но командиром в звании лейтенанта так

и не стал. Госпиталь, лечение, курсы снайперов, и вот он я, старшина, командир спецотделения снайперов. Войну, как и времена, не выбирают. На ней живут и умирают! Да и давно уже прошли те времена, когда восторженный московский пацан мечтал о командирских кубарях. Погоны полевые с нашивкой в виде буквы «Т», не взвод, отделение. Две медали: «За боевые заслуги» и «За Отвагу» и орден «Красной звезды.» А от тех пор и порывов довоенных, восторженных времён, остались стихи Павла Когана, мечтавшего перед самой войной жить, воевать, а, также, и погибнуть «возле немецкой речки Шпрее!» Да его же стихи про флибустьеров, и непохожесть. «Вьётся по ветру Весёлый Роджер, люди Флинта гимн морям поют». «В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса!» Тоже, небось, воюет где, – подумалось отстранённо. И опять строчки вспомнились, так хорошо певшиеся под гитару! Снайперов-наблюдателей в эту ночь на переднем крае было достаточно. Вот и всё его отделение, получившее приказ не стрелять, а обнаруживать огневые точки противника, сейчас пробиралось по пространству между нашими и немецкими окопами. По одному. Что бы охватить наблюдением большую полосу немецких окопов. Предстоял тяжёлый день почти неподвижного лежания. Однако, к этому было не привыкать. Вся его нелёгкая снайперская служба и состояла в умении перетерпеть противника. Старшина Степанов в своей части считался мастером снайперского дела и использовался для уничтожения снайперов

противника. Не надо иметь значительный опыт для бестолковой стрельбы. Затаись где-нибудь, жди. Высунулся солдат противника – пали. В ответ шквальный миномётный огонь, и нет тебя! Дашь на дашь! Ты убил, может, ранил новичка или лентяя, что не маскируясь по ходам сообщения бродят, они снайпера-неряху! Мастер своего дела стреляет редко, но метко! По пулемётчикам, офицерам, расчётам артиллерийских орудий, да и снайперам, не ищет смерти своей каждый день. Умело атаковал, умело сменил позицию, живой и врага продолжаешь бить! А то снайперов не напасёшься!

С такими мыслями и полз старшина по нейтралке. Взлетали ракеты, свистели одиночные пули. Ночь то и дело вспыхивала разрывами снарядов и мин. Обычная картина. Насмотрелся на неё русский воин Степанов! Отец его воевал в Гражданскую, захватил и Империалистическую. Пошёл бы и на эту, да без ноги не очень повоюешь! И дед, которого Авессалом ещё застал в живых, воевал. В Манчжурии! В Японскую войну. Всем в семье довелось с винтовкой побрататься. У деда «Георгий был.» У отца «Красное знамя». И он, вроде, не плошает. Тоже с орденом и медалями! А всё же, хорошо до войны было. Мороженое! На лодках по Москва-реке покататься можно. В поход сходить! Во гады, всё отобрали! Возвращалось боевое настроение. Расслабленности здесь было не место. Могли и мины встретиться на пути, хотя, по приказу комполка, сапёры специально проверили его проход по нейтральной земле. А могла

быть и засада противника, на таких как он одиноких шатунов и рассчитанная! И утащат тебя под белы руки в плен германский! На случай такой имелась у него в нагрудном кармане граната РГД, «лимонкой» в народе именуемая! Через чеку шнурок пропущен, рукоятка снаружи. Дернуть за кольцо успеет солдат, свою смертную долю выбирая, никакого плена! А вот и старое пулемётное гнездо, как раз намеченное им для своего схрона. И окопчики сохранились, позволяющие отползти в стороны. До немецких окопов метров сто-сто пятьдесят. Если засекут, привет родителям! Зато обзор отличный! Даже без бинокля! Солнца сейчас, правда, и днём нет. Пасмурно. Стёкла не бликуют, но «бережённого Бог бережёт, а не бережённого конвой стережёт, - как не раз говаривал их старший лейтенант в недолгие курсантские времена в окопах под Москвой. Сам он был из оперов московского уголовного розыска. В состав его роты влили остатки курсантов после трёхдневных кровопролитных боёв. Были там рабочие из ополчения, сотрудники милиции, и, даже, несколько бывших уголовников из группы прибившейся к ним и выходившей из немецкого окружения! Тогда его на второй день тяжело ранило, и что там было дальше, он так и не узнал. Может выжил старлей! Бывает! В штабе вчера сказали, что за те бои пришла ему медаль «За оборону Москвы», получить её он не успел. Хотели вручать торжественно, в составе всех остальных награждённых, да ему задание спешное выпало. Ничего! Бог не выдаст, свинья не съест, – как его

дед, помнится, не раз говаривал. После получит! Чу! Лёгкий шум впереди, шевеление, как раз в том окопчике, что он для себя присмотрел. Замер Степанов. Нет его! Кусок мрака! А в окопчике русская речь слышна! Расстояние малое, всё как на ладони, слышимость отличная. «Ребята! Я вчера письмо получил. Мать пишет. Не осталось ничего от села старого нашего на Полесье. Партизаны, говорит, сожгли. За то что евреев перебили, да свой колхоз при немцах организовали. Жалко мать! Теперь в землянке живёт. А так хорошо, пишет, работалось. Отдай в налог четверть и живи, как знаешь. От немецких начальников послабление. Пан голова наш в почёте у немцев. Церква работала. А таперь сбежал священник. Говорят к партизанам подался. Може и врут. И ещё мать пишет, в деревне сейчас батальон войска СС, из латышей. Лютуют, да девок портят. Вот, блин, союзники. Попаду на ихую Латгалию, всех перетрахую. Так ты сказал, сожгли деревню, а теперь брешешь -живут! Собака брешет! Не! Нет деревни, а место свято пусто не бывает. Колодец есть, и всё такое. Сарай кое-какие целы. Вот и живут латыши эти. Всё лучше, чем в поле, али в лесу, не лезь поперёк батьки, а то сам на свой подъём и наскочишь. Понял, парубок хренов? Тоже мне, сичевой стрелец. Слухай, чего старшие говорят и мовчи. Тебе, Кныш, тише воды, ниже травы быть надобно. Помнишь, ты про братана – командира батальона рассказывал? А если немцы узнают, что ты брат коммуниста? Мовчи, гнида, сволочная, сопи в трапочку! Понятно? Степа-

нову тоже всё стало понятно. Здесь, в предполье, на случай наступления готовится засада против танков. И не зря силуэты солдат из Российской освободительной армии казались горбатыми. Это были ранцевые огнемёты, оружие страшное на близкой дистанции. После его применения бронетехника полыхала костром, из экипажа никто не спасался, а тут человек пять-шесть. И это только на виду. Разбредутся, замаскируются, будут днём танки и самоходки поджидать. Ну, нет, – сразу ему подумалось. С наблюдением сегодня покончено. Пора непосредственно воевать. При нём кроме заветной «лимонки», была винтовка снайперская Драгунова, да пара гранат посерьёзнее. Против техники очень даже тяжёлой рассчитанных. Вот одну он и бросил, попав точно среди говоривших силуэтов. Ударило громом и полыхнуло так, что даже сквозь предварительно закрытые веки вспышка показалась непомерной. Да и было от чего. Взлетели на воздух и воспламенились огнемётные устройства, хорошо хоть рот во время приоткрыл, а то и без слуха остаться можно было! Степанов быстро откатился в сторону, но никакой стрельбы из немецких окопов не было. Не поняли они, – подумалось снайперу, не видно же ни черта из-за огня! Остаюсь, – внезапно пришло решение. Был у него и запасной вариант укрытия, сгоревшая полуторка, от которой остались колёса без резины и часть металлической рамы с карданом, располагалась метров в двухстах, и он пополз туда. Однако, место оказалось занятым. Хорошо, какой-то несмышлёныш, решил

покурить в своём укрытии, полагаясь на погоду и собственное наблюдение. Самого курильщика видно не было, да вот вспышка спички или зажигалки засекалась снайпером мгновенно. Предстояло установить, кто, собственно говоря, в теремочке живёт? Может и свой какой приبلудился. По нейтралке вроде бы не должны бродить толпы желающих разведать чего, но, к примеру, есть разведка батальонная, полковая, дивизионная, армейская и так далее. Кто знает, кому из высоких начальников пришла в голову идея послать разведчиков именно сюда? Пришлось затаиться и ждать. Вот оно! Послышалась тихая немецкая речь, судя по всему, под полуторкой затаились двое. Это могла быть снайперская пара, разведчики-наблюдатели, а то и корректировщики артиллерийского огня. Судя по обрывкам своего школьного немецкого переводились их речи примерно так: Скоро рассветёт. Пора бы уже сменяться, естьхочется и спать. И всё. Поскольку вторая граната полетела в сторону говоривших. Только через секунд семь послышался взрыв, на месте полуторки образовалась воронка с перемешанным в куски железом, песком и частями тел и оружия, а бывшему школьнику Степанову Ваське пришла в голову мысль о тех русских офицерах из «Войны и мира», которые будучи на рекогносцировке болтали по-французски и были застрелены казаками! И поделом! Не те времена, однако! На нейтральной полосе болтать по-немецки могут только немцы. Теперь надо ползти назад, к своим окопам. Не получилось сегодня, получит-

ся завтра. Через полчаса, в окопе, он пил горячий и сладкий чай с кусищем ржаного хлеба, намазанного американской тушёной. И, поверьте, отнюдь не брезговал горячей картошкой, только что извлечённой из котелка. Его ждало его отделение. Многие из снайперов с задания пока не вернулись. Да и дела войны повседневные ждали. До конца войны оставалось девятнадцать месяцев. Знать про это старшине Степанову было не дано. И пошёл он в ближний тыл, в расположение своего отделения. Досыпать остатки ночи, а завтра опять была война!

Вот такие дела!

Как это часто бывает, ночь вступила в свои права очень быстро. Серое мутное марево, висевшее на сопках, внезапно сменилось непроницаемым чёрным покрывалом. Огромные ели, загораживавшие окрестный небосвод, съжились, стали меньше, а потом совсем исчезли из вида. Стало ясно, что означает русское понятие «ни зги не видно», хотя, что такое эта самая зга, яснее не стало. Лежащий под выворотом гигантского дерева, упавшего и благополучно превращающегося в труху, человек устало потёр глаза. От внешнего взгляда его укрывали свисавшие в глубокую ямину корни. Поросшие мхом, они напоминали щупальца гигантского осминога, выброшенного на берег и ждущего, того, кто его выбросил, в ночной засаде. Визуально найти в этом хаосе кого-либо было, практически, невозможно. Но, это – взглядом. Однако были и другие способы обнаружения. Сонар собачьего носа, тепловизор патрульного вертолётa, дальнедействующий металлодетектор. Да мало ли способов найти и убить человека придумали инженеры и техники. В конце концов все эти учёные, так хорошо названные доцентами с кандидатами, в своём стремлении к новым вершинам и открытиям готовы не то что отдельного человека угробить, всю землю взорвать к такой-то матери. Просто, что бы после эксперимента посмотреть, совпадёт

результат с ими предсказанным, али не совсем! Лежавший в укрытии человек решал в этот момент простой на первый взгляд вопрос «быть или не быть?» Трогаться в путь сейчас, рискуя поломать ноги в крошечной темноте, или идти при свете, облегчая работу преследователей, но сберегая конечности. Получалось плохо. Куда ни кинь, везде клин, а его учили из двух зол выбирать меньшее. Ещё вчера они были отряд. Рядом шли те, кто мог помочь ему, своему командиру в выполнении задания. Радист, взрывник и опытный проводник из местных территориальных органов. Проводивший инструктаж полковник особо подчеркнул всю щепетильность задания. Проводится на территории соседней, отнюдь не дружественной страны. Объект – группа наёмников из стран Востока, а может быть и спецслужбы соседнего государства, захватившие двух учёных, осуществлявших и успешно осуществивших поиски бункера времён войны с сохранившимся, возможно, объектом прикладной парапсихологии и его документацией. Данные были изысканы в архивах организации «Анаэрбе» недавно. Получить артефакт и результаты научных экспериментов, проводившихся немецкими учёными, было очень заманчиво. Русские разведчики были опытными специалистами. Купив тур, они представлялись туристами. Семейная пара – муж и жена. Чуть ли не свадебное путешествие по лесным просторам соседней страны. Будто своих лесов в России

для этих целей стало недостаточно. Средством связи был обычный, ну, не совсем обычный, мобильный телефон. В последнем своём сообщении говорилось об успешном выполнении задуманного. Таинственный объект был обнаружен, координаты сообщены. Именно для выноса архива, составлявшего несколько десятков папок, и посылался отряд. Сам объект предлагалось поднять на воздух. Всего-то! Но последний сеанс связи был прерван шумом борьбы, криками и руганью на русском, финском и арабском языках. Телефон, включённый на приём, послужил способом точного определения места. Несколько минут можно было слушать и сам проводимый допрос, сопровождаемый побоями обоих задержанных, но связь прервалась. Судя по всему, нападавшие обнаружили и отключили телефон. Задание спец. группы несколько менялось. Прибавилась необходимость освободить задержанных, и только потом приступить к уничтожению объекта и выносу полученных материалов. Места, куда предстояло отправиться, были сущей глухоманью. Туда, как говорится, не ступала нога обычного человека. Охотники, рыбаки и местные егеря вполне могли там встретиться, а обнаруживать себя было никак нельзя. Граница, в целом, была вполне проходима. Постоянной охраны не было, соседняя страна, как государство довольно развитое в промышленном отношении, надеялось не на человеческий или собачий глаз. Расставленные

в секретном порядке датчики, видеокамеры, беспилотные дроны, осуществляющие постоянное слежение, патрульные облёты вертолётов – всё это вполне заменяло труд пограничников. В нескольких местах были казармы для сосредоточения сил быстрого реагирования, готовые по тревоге вступить в любой, в том числе и огневой, контакт, а при необходимости и уничтожить нежеланных гостей. Вот почему сразу стало ясно, о действии банд. группы, напавшей на наших, скажем очень обтекаемо, туристов, местные спец. служб прекрасно были оповещены. Если нападение, вообще, не было совершено по их прямому приказу. Организовать вторжение было решено в нетрадиционное время. Не ночью, не в утреннюю или вечернюю сумрачность, почти открыто. В полдень с одной из лесных полян в воздух поднялись четыре дельтоплана. Им предстояло быстро преодолеть около двадцати-тридцати километров, совершить посадку, а за тем на них же предполагалось вернуться домой. Каждый из аппаратов при помощи специальной подвески, как бы соединявшей пару в единое целое, был способен транспортировать пассажира с приличным грузом. Таким образом вопрос о скорейшей доставки назад захваченных заложников и изъятых документов казался решённым. Полёт шел на высоте метров в семьдесят. Не смотря на летнее время, тугие потоки встречного воздуха сурово холодило лицо и, если бы не очки, смотреть вперёд явилось бы непосильной

задачей. В расчётное время дельтопланы вышли на точку высадки. Командир жестом показал – снижаемся и посадка. Но в последний момент произошло то, что невозможно было предвидеть. Когда четыре дельтопланы, готовые к посадке, перешли на бреющий полёт, проносясь над самыми верхушками деревьев, навстрече им поднялась как бы сеть, сплетённая из малиново-красных нитей. Увидев её командир резко бросил свою машину в пике и врезался в верхушку огромной сосны. Оставшиеся в воздухе уже ничего не успели. Войдя в соприкосновение с огненным препятствием, все три машины мгновенно вспыхнули и камнем пошли вниз. Один за другим послышалось три не сильных взрыва, командир понял, рассчитывать отныне он может только на себя! Быстро, без суеты, выпутавшись из обломков и спустившись вниз по стволу огромной сосны, для чего с последних метров пяти пришлось прыгать, командир поправил рюкзак и осмотрел оружие. Специальный десантный автомат, штык-нож, финка в берце, пистолет у пояса, пара гранат, да маленький револьвер ниже коленного сустава в почти открытой кобуре, максимально облегчающей доставание и применение. Чем хорош револьвер? Не надо ни досылать патрон в патронник, ни снимать с предохранителя. Как только в руке, к стрельбе готов! Минусом было отсутствие связи. Плюсом – наличие в рюкзаке аптечки, запаса патронов, воды во фляге и значительного количества десантных пайков.

Автономность обеспечивалась полностью. При такой экипировке выполнять задание было можно! А проблемный вопрос, каким образом придётся выбираться, он оставил на потом, рассчитывая на силу великого русского авось. Смешно было бы сейчас думать о далёком будущем, если совсем не ясным оставался вопрос сегодняшнего выживания. И уж если была применена такая техническая новинка, похуже, вели их от границы, если только по своим источникам на территории России заранее не получили все сведения о пролёте группы. Сгоревшие товарищи были отложены в памяти. Придёт время, решил командир, он лично посчитается с теми, кто лишил жизни его бойцов сегодня, сейчас не время. Часы на руке, компас на другой и карта, кстати, очень подробная. Место, откуда в последний раз вела переговоры группа разведчиков, на карте отмечено, азимут определён. Вперёд. Легким скользящим шагом воин начал движение. Набрал нужный ритм запел. Под песню бежать легче, и дыхание адаптируется к песне легче. А что поёшь неважно. Важен ритм. «Давай за жизнь, давай за нас, ещё давай за наш спецназ!» И так далее. В отдалении послышался лай нескольких собак. Бегать с ними на перегонки занятием было бессмысленным. Заранее обдумывая направление, он выбрал неглубокий, но бурный ручей, протекавший примерно в том же направлении, куда стремился и он. Спрыгнув в воду, которая местами доставала до пояса, пошёл вверх по течению.

Хорошо хоть дно было песчаным, продвигаться было легко. Метров через триста, заметив нависшую над ручьём толстую ветку, командир несуществующей теперь группы, аккуратно взобрался на неё и по толстому стволу перебрался на берег. Движение продолжилось. Читатель! Пора бы нам поближе познакомиться с тем, кто, в отличие от нас грешных, предпочел работу в оффисе или на производстве, неблагодарному труду по защите Отечества от внешних и, особенно, внутренних супостатов. Судя по тому, что в 32 два года был он майором спецназа, имел полную грудь правительственных наград, делал он это хорошо и отлично. Как всем спецназёрам был присвоен ему личный позывной, а именно, «Гранд», отмечавший пристрастие к изучению казалось бы совершенно далёкой от окружающей жизни истории альбигойского движения в феодальной католической средневековой Франции. Собирал майор и художественную литературу, и серьёзные источники, а началось увлечение в далёком детстве, после просмотра детективного кинофильма «Ларец Марии Медичи». В анкете же он числился вовсе даже Солнцевым Евгением Петровичем, и откликался в обычной жизни, не ограниченной уставами, на имя Жека! С друзьями, конечно! Характер имел тяжёлый, спорить по пустякам не любил, но если уж шёл на принцип, то до конца. Среди своих считался счастливым. Сколько раз он и его бойцы выходили из различных передраг. Но не в этот

вылет. Таких потерь он не имел никогда. Все эти мысли бежали своим неспешным чередом, бежал и он сам, осторожно огибая сухостой и стараясь не оставлять слишком явных следов своего присутствия. Минут через сорок, сознательно обозначив свой путь, он остановился. Место было определённо подходящим. Слева и справа залёг непроходимый бурелом, лишь между двумя деревьями можно было протиснуться и вести свой путь дальше. Именно через несколько шагов от естественного прохода нападавших должна была встретить первая ловушка. Незаметная растяжка поперёк дороги сдерживала в высоте с огромным трудом поднятый на альпинистском тросе гигантский чурбан, а метров через сто в мелком кустарнике дожидалась ловушка, представлявшая из себя остро зачищенные колышки в руку длиной, укреплённые на ветке при помощи остатков всё того же троса. Наступивший на прут, удерживающий ветку, мгновенно её высвобождал, ничто не могло препятствовать ходу самодельного оружия к стремительному поражению жертвы собственной неосторожности. Затем бег продолжился. Начало слегка смеркаться. Пора было подумать о ночлеге, и выворот огромного упавшего дерева надёжно укрыл майора. Перекусив имевшимся пайком и запив водой из фляги, беглец почувствовал себя значительно лучше. Потерянные силы требовали немедленного качественного восстановления, ноги и руки гудели от напряжения.

Сон – приказал он себе, и тут же мгновенно погрузился в чуткий, но всё равно освежающий сон. А проснулся он часов через пять от звуков далёкой беспорядочной стрельбы, отзвуках криков боли и ненависти. Судя по всему, его задумки сработали, несколькими, сидящими на хвосте преследователями, стало меньше. Вот сейчас-то и приходилось решать! Вечный вопрос русской интеллигенции даже не возникал. Что делать – было совершенно ясно – продолжать! Преследовать, найти, догнать и уничтожить. Оставались детали, вроде когда? Сейчас или ждать рассвета. По ночному лесу не побегаешь, сломаешь ногу – нет тебя на Земле. Звери окончат твой жизненный путь, может, и люди. Так что решение было одно – с рассветом трогаться в путь. Перекусив и выкурив сигарету, он давно бросил эту дурную привычку, но в экстремальных ситуациях иногда покуривал, решил оставить по себе добрую память и тут. Выбравшись наружу, соорудил из веток подобие маскировки, закрывавшей вход в ямину, а затем, отойдя на двадцать шагов, протянул между двумя кустиками какой-то растительности леску, на концах которой в неглубоких ямках покоились противопехотные гранаты. А для усиления эффекта гранаты были помещены в полиэтиленовые пакеты, наполненные собранными в земле под корнями осколками гранита. Тщательно замаскировав ловушку и не забыв присыпать верх её для верности смесью кайенского перца

с мелко помеленным нюхательным табаком, великолепно отбивающей охоту идти по следу у самой любопытной собаки, майор опять вышел на тропу войны. И в прямом, и в переносном смысле. Почему-то припомнились слова сумасшедшего полковника из «Приключений Гекэльбери Финна»: Я на военной тропе, скоро гробы подорожают. Светало. Уже можно было различить поверхность, покрытую кустиками клюквы, черники, брусники и корнями какого-то мелкого, ужасно цапучего кустарника. «В путь, в путь!», – Зазвучала в ушах почти забытая с училищных времён песня. «А для тебя, родная, есть почта полевая. Прощай труба зовёт. Солдаты-в поход!» И опять бег, бег и бег. А песня звучала и звучала, помогая держать темп и дыхание, согревая душу. Потеря отряда, тех с кем он прошёл не одну войну и выходил из боёв без потерь, вызывала одновременно и грусть и приступы страшной ненависти. А ведь и то, и другое только расслабляет. В то время, как надо было полностью сосредоточиться на выполнении задания. «Каждый воин – парень бравый, смотрит соколом в строю. Породни, роднились мы со славой. Славу добыли в бою! Окончательно рассвело, и вдруг откуда-то издалека пахло запахом костра, запахло пищей. Кто мог совершенно открыто готовить и жечь костёр на этой земле? Уж, конечно, не те люди, что скрываются от местных властей. Это могли быть мирные туристы, а могли и вооружённые бандиты, напавшие на соотечественников. И сразу майор

превратился в гигантскую кошку, скрадывающую очередную жертву. Резко повернув в сторону, он рванул в обход возможного лагеря противника. А позади, там где оставались преследователи, громынуло два взрыва. Ничего более услышать не удалось, оставалось надеяться – на растяжке подорвался не пробежавший по своим делам лось, а группа хорошо вооружённых преследователей. И, уж, совсем отлично бы было, если бы держались они устало, расслаблено, шли кучно. Но, это с точки зрения постановщика на тропе данного хитроумного препятствия! Пробежав около километра и постоянно следя за тем, что бы учитывался более длинный шаг правой ноги, майор повернул и начал делать крюк, это позволяло оказаться в тылу противника. Вскоре пришлось перейти с бега на медленный шаг, затем и вовсе ползти. И не зря. Впереди показалась лесная сторожка, одиночное строение, которого, кстати, не было на карте. Внешне, вокруг никого, но это могла быть и видимость. Хитрая современная детекторная аппаратура, размещённая на окрестных деревьях, легко позволяла осуществлять наблюдение, гораздо лучше, чем примитивный часовой. Оставалось затаиться и наблюдать, что и было проделано. А вскоре похвалить себя за предосторожность с предусмотрительностью. Хорошо, что он оказался с тыльной стороны лесного строения. Из леса, с того места, откуда, по идее, он должен был выйти, показалась группа людей, в количестве трёх

человек. Они тащили с собой носилки, с лежавшим на них окровавленным четвёртым. Заслышав разговор, из домика выбежали ещё трое. Лежавший в засаде не приминул отметить. Все – с автоматами. У пояса гранаты и ножи, одеты в армейский камуфляж, впрочем, как и прибывшие из леса. Завязался разговор на финском. Вышедшие из леса приняли участие, а из тех, кто ожидал, только один понимал и разговаривал. Два остальных говорили по-арабски, третий, бывший с ними, переводил. Спецназёр легко понимал оба языка. Его потому и отобрали из всех возможных кандидатов. По-фински, вернее, сначала по-карельски, он говорил с детства. Его родной городок с истинно русским названием Кондопога, скорее напоминавший посёлок, располагался на Севере, в нём было много карельских паренёв, играя с которыми в детские игры, он и обучился основам, а остальное, плоды дальнейшего повышения профессионального мастерства на специальных курсах и в воздушно-десантном Рязанском училище! Плюс постоянные сборы в перерывах между заданиями и боями. Разговор шёл интересный. Один из пришедших пояснил, в группе преследования было попервам около 20 человек. Точно сказать он сейчас не может, поскольку по ходу погони состав группы менялся. Выбывали по ранению и смерти одни, прибывали другие. Точно было известно, что преследуется один человек. Пограничники передали группе преследования съёмку

момента уничтожения в воздухе дельтапланов. Вроде всё было ясно. Летят четыре, сгорают и разбиваются три. В остатке-один. Но, судя по потерям, в живых остался матёрый зверь. За смерть попутчиков он взял обильную долю преследующих. Столько раненых и таким варварским путём, я не видал никогда, – закончил свое сообщение вновь прибывший. А после последнего сдвоенного взрыва их осталась только вот эта жалкая кучка, да и то все они получили ранения осколками камней и гранат. Из избушки медленно вышел ещё один вооружённый. Судя по всему, он продолжал ожидать возможного развития событий, что бы вмешаться из засады в самый подходящий момент. Подойдя поближе, вновь пришедший на ломаном финском сказал: Вертолёт прибудет к девятнадцати часам. Приказано все материалы и трупы задержанных и наших доставить в центр. Почему трупы, – спросил один из вновь прибывших, а потому, – последовал ответ, что один из этих туристов, баба, охотно сама разделась, когда ей предложили помочь скоротать время всем в избушке присутствующим. И уже будучи голой, готовой к употреблению, пританцовывая, схватила лежавший на лавке автомат и открыла огонь. Двоих наших и своего успела убить, пока мы её не пристрелили. Так уже будучи при смерти, всё старалась нажать на курок и продолжать огонь. И что мы должны были делать? Что делать?, -взбешенно прокричал пришедший, судя по всему руководитель всего этого поиска. Узлом херы

завязать, потерпеть в конце концов. А теперь? Русских шпионов нет, ушедший с места крушения дельтопланов не найден, чего от него ждать – неизвестно. Может он в отрыв пойдёт, а может лежит сейчас в лесу, нас сторожит. Приказываю! Вы, он указал на тех, кто ждал на месте. Занять круговую оборону по периметру, расстояние не далее пятидесяти метров друг от друга, оружие – во все стороны света. Активизировать аппаратуру внешнего наблюдения. Это берёт на себя наша группа. После перевязки и отдыха, небольшого конечно. Тут он нагнулся к носилкам, провёл рукою по лицу в области глаз лежавшему там человеку и сказал, ушёл в Вальгаллу, будет там с викингами пировать. Так я лично, туда не тороплюсь! Отдых отставить, перевязки в ходе работ. Всё! До вертолёта доживём, а там, документы с собой и айда! Пусть другие с такими неправильными туристами и дельтопланеристами воюют! Четвёрка заняла позиции по углам строения, не особенно маскируясь, но используя как прикрытие огромные валуны, живописно разбросанные циклопической силой по окрестности. Прекрасно всё это слышавший и понявший майор Жека, тоже изготовился. На часах около восемнадцати. Время мало, но оно было. В голове вызревал план действий. Соорудив из своей куртки с поднятым капюшоном подобие солдата, он замаскировал его среди росших густо молодых ёлочек, поднял чучело вверх на уровень человеческого роста,

а затем закрепил на куртке половину маленького зеркала, использовавшегося для бритья. Отползая шагов на двадцать в сторону от ловушки, майор при помощи оставшейся половины начал пускать солнечных зайчиков, стараясь попасть в осколок, укреплённый на куртке. Сам он сидел спиной к противнику, его манипуляции со стороны дома были не видны. Несколько раз там где он оставил приманку, сильно блеснуло, что немедленно привлекло внимание наблюдателей противника. Ещё бы! Именно так может блеснуть оптический прицел незадачливого снайпера, при изготовке к стрельбе не учёвшего положения светила. Мгновенно, очевидно оповещённые по связи, все четверо наружных наблюдателей оказались напротив чучела. Сам же майор видел их сбоку. Нисколько не опасаясь нападения, уверенные, противник перед ними, четверо были отличной мишенью. Один из них успел достать и метнуть в заросли ёлочек гранату. Её разрыв совпал с короткой автоматной очередью, положившей конец присутствию в лесу кого-либо ещё кроме спецназовца. На шум взрыва и выстрелы из избы выбежала последняя тройка преследователей. Не повезло и ей! Уверенные в уничтожении противника, они совершенно открыто передвигались в ту сторону, где, как они считали был уничтожен враг! Наивные. Их ждал прицельный огонь на поражение. «Вот и всё. Собирай рюкзаки, – всплыло в памяти, – Ты осёл и я осёл и вообще мы дураки.» Эту песенку любил напевать его отец, кадровый

военный, прошедший столько горячих точек, что на карте, казалось, уже и места, где бы он не был, не оставалось. Отец говорил, это старая бардовская песня, а кто автор, он не знал. Во времена его юности магнитофонные ленты переписывались друг у друга. Кто, чего и где написал, мало знали! Нерешительность и жалость – таких слов в лексиконе спецназа нет и быть не может. Поэтому все, с кем вступил он в бой в этом тихом лесном месте, получили по дополнительному выстрелу в голову, хотя двое из них ещё подавали признаки жизни и в хорошем госпитале могли бы быть, вероятно, спасены! Быстро, но соблюдая предосторожность, майор вошёл в домик. Так и есть. В углу, прикрытые тряпьем, лежали три трупа. Двое своих, которых он никогда не видел, и третий, принадлежавший к вражескому лагерю. Смерть примирила бывших врагов. Накрыв трупы одеялом, быстро оценил обстановку внутри помещения. Внимание привлёк мощный радиотелефон спутниковой связи. Возникло желание его немедленно использовать и переговорить со своими, вот делать-то это было никак нельзя. За эфиром могли следить. Ещё в углу лежал тубус зенитно-ракетного комплекса. «Стингер», – подумал майор. Старьё, но старьё работающее. А вертолёт вот - вот мог показаться из-за елей, окружавших поляну. Пора было почистить территорию. Забросив тубус за спину и взяв радиотелефон, майор покинул домик, где уже явственно стало пахнуть трупами. Все убитые

враги были усажены в различных позах перед домом, разожжён костёр, обильно снабжённый сырыми ёлочными ветками. Те, кто ранее занимал строение, были у себя дома. Могли же они развести костёр или просто так, или для отпугивания роившихся и гудевших беспрестанно комаров. Да и на поляне было старое кострище. Дым отлично маскировал. Разглядеть через него, насколько живы были ожидавшие прибытия, практически, стало невозможно. Временами даже могло показаться, покойные меняют позы, передвигаются. Вот что делала игра света и теней! Раздался зуммер переговорного устройства. Подумав, майор не стал отвечать. Мало ли что могло случиться? Может рацию в котёл с каким-либо варевом уронили, или на неё медведь наступил! А тут и вертолёт вынырнул! Встав в полосу дыма от костра, ожидавший стал махать руками, как бы приветствуя прилетевших. Вертолёт завис, а потом резко пошёл вниз. По спущенным тросам устремились четверо десантников. Такого оборота событий ни коим образом не ожидалось, однако не такому случаю было смутить российский спецназ. Перекинув автомат из-за спины майор открыл прицельный огонь. До земли живым не добрался ни один, а вот вертолётчик видать почуяв неладное, стал резко набирать высоту. Вот и пригодился «Стингер», – подумал майор. Через мгновение на том месте где только что, гордо сверкая, резали воздух огромные лопасти, раздался взрыв. Мгновенно вспух огненный шар

и вниз из него посыпались сперва стальные детали, а затем и сам вертолет. Именно посыпался, поскольку ещё в воздухе стал разваливаться на составные мелкие и мельчайшие части! Две вещи мучали майора. Где архив? И как теперь добираться до чёртовой лаборатории? Вопрос о том, чем её взрывать, не появлялся вовсе! Вернувшись в домик майор начал тщательный поиск. Удача! В одном из углов им была обнаружена целая упаковка старых папок. Написанные на немецком языке надписи предупреждали: Внимание! Совершенно секретно. Для ознакомления нужен личный допуск рейсфюрера СС Гиммлера! Очевидно, это и были искомые материалы. Но занимали они достаточно много места. В рюкзак поместить обнаруженное было довольно сложно. Предстояло потрудиться. В углу, на столе, где размещалось техническое сопровождение прежних хозяев, были современный компьютер и сканер, печатное устройство. Работа закипела. Первое – перенос информации с бумажных носителей в компьютер. Процесс нудный, довольно долгий, но не сложный. Второе – перенос полученной информации на флешку. И не нудно, и не долго! Около трёх часов ушло на всё, про всё. Затем затаскивание трупов в строение, разбрасывание по углам трофейных папок с немецкой документацией, крушение аппаратуры и – апофеоз. Огромный пионерский костёр вспыхнувшего домика. Огненное вознесение, братская могила врагов и друзей!

Рвущиеся от огня боеприпасы бывших противников усилили погребальное зрелище подобием салюта в честь павших, а тот кого позывные были Гранд, давно уже бежал по направлению к месту расположения бункера времён войны. Ему предстояло выполнить намеченный план полностью и разобраться как с неким, находящимся внутри артефактом, так и самим убежищем немецких учёных. И опять не стал он прибегать к услугам радиотелефона, над лесом слышалось постоянное гудение. Похоже, около четвёрки вертолётов бороздило небо над тем местом, где пролегал его маршрут. Совершенно не исключалось их оборудование специальными суперсовременными тепловизорами, аппаратурой, способной отследить человека в любых, самых густых зарослях и отличить его от крупного зверя, дальше всё было бы делом техники. Но и этот вариант был учтён. Извлечённая из рюкзака маскировочная сеть, последнее изобретение специального НИИ, позволяла видеть на экране преследователя только слабый фон, идентифицировать который невозможно. Опять в путь, опять песня, помогающая бегу, опять ложившиеся под ноги километры пути. Через несколько часов показалась приметная сосна, выделявшаяся на фоне сестёр тем, что имела три верхушки, чем-то напоминавшие самостийный трезубец наших щирых собратьев по православию! Стоп! – скомандовал сам себе боец, и медленно, попластунски, пополз к открывшемуся под сосной входу

в бетонный бункер. После чего не приминул похвалить себя за осторожность, как говорила много лет назад его бабушка: Сам себя не похвалишь, сидишь, как оплётанный! Неподалёку от низкого входа, в густой траве, сидели двое, одетые в камуфляж и при десантных автоматах. Оттуда доносился лёгкий запах спиртного и мясного консервированного продукта. То-ли болгарского «Лечо», то-ли, производства той же страны, красных перцев с мясом и рисом. Давно и хорошо знакомый с детства запах, из того времени, когда болгары ещё были братушками, и не было гонений на каменного «Алёшу» в Пловдиве! Пришлось понаблюдать. Судя по поведению птиц, да и окружающей обстановке, охранявших, кроме находившихся у костра, не было. Никто не сидел в елочках и зарослях жимолости, не находился в бункере. Подобравшись поближе, майор начал слышать беседу. Говорили опять на финском. «Повезло ребятам, сидят сейчас в домике лесника, еда есть, выпивка. Даже бабу какую-то прихватили. Вроде туристка, когда задерживали её, руку одному нашему сломала, ножом крутила – не подойдёшь. Вилли дал ей сзади прикладом, а то бы могла ещё многих поранить! Туристка!» Второй голос объяснил на полном серьёзе: «А может озверела? Мужика её сразу кончили, а оружия у него не было. Полез в карман, тут в него и попали. А в руке паспорт оказался и бумага, разрешающая путешествие по этим местам. Не дай бог, правда туристы. Грехов

не оберёшься!» «Не наше дело, – отвечал первый, – Приказано было задержать, задержали, в каком виде, про то пусть начальство думает, хотели бы живыми брать, послали бы войска обычные или полицию. Мы штурм-егеря, спецы по причинению телесных повреждений, устранению угроз и всё такое прочее, вовсе даже не полиция! Это они преступников задерживают, мы врагов убиваем! Вот скажи, чего мы тут сидим? Кого и от чего охраняем? Этот бункер с войны стоит, кому он теперь-то понадобился? Но ответить его приятель не успел. Два стремительно прочертивших воздух сюррекена прервали жизненный путь бойцов финского спецназа. По одному за каждого из погибших русских туристов, подумал Гранд, а затем тщательно обследовал начало входа в старый бункер. Никаких явных препятствий не было, однако дымок пригодившейся на этот случай сигареты, направленный на вход, чётко обрисовал пересекающуюся сеть невидимых глазу лучей. Войди в их невидимую сень, и ты полноценный свежеподжареный труп. Обследовав боковые ответвления входа, майор без труда обнаружил источник. Несколько приборчиков размером с детскую ладонь обеспечивали перекрытие всего периметра входа. При взгляде на эту технику, легко было убедиться, преодолеть препятствие невозможно! Нет сбоку входа минных ловушек, размещение которых на бетонной поверхности являлось практически невозможным. Зато внизу, под ногами, такая вот жуткая

вещь была. На бетонном полу входа лежали давно известные, но не ставшие от этого менее смертоносными, лепестки противопехотных мин. Злая и коварная малютка человека не убивала, ограничившись, как правило, отрывом стопы. Не видали мы говна, – подумалось и улетело в пространство. Опять пришлось применять совершенно секретную технику. И накидка, спасающая от тепловизора, и переключатель лазерных излучений, были настолько засекречены, что их даже не доверили технику группы. Инструктаж по работе с ними лично был проведён с командиром. То что эти вещицы хранились у него, спасло их от неминуемого уничтожения в первом, совершенно несчастливом контакте с коварным и хитрым противником, стоившим жизни всей его группе! Приборчик был положен на козырёк входа, включён, и сеть лазерных лучей повернулась вверх и замкнулась в том месте, где он находился, с минами и вовсе было просто. Смотри под ноги, не забывай смотреть по сторонам и вверх, да не забудь о тылах – таков был девиз спецназа, да и любого современного солдата, желающего вернуться с войны целым. Практически вечный ручной армейский не совсем обычный фонарик, работающий не на батарейках, а на каких-то ещё принципах, давал вполне достаточно света для продвижения вперёд. Выложенные бетоном стены, оставшиеся от старых времён, толстые змеи кабелей по ним, всё это зримо напоминало Гранду виденные в детстве чёрно-белые фильм о войне.

Казалось, вот-вот за ближайшим поворотом покажутся тени измождённых, работающих до полного изнеможения советских, умирающих от голода и непосильной работы в забое, военнопленных, отсветы карбидных фонарей, охраняющий пленных конвой и злобные немецкие овчарки. Через несколько метров от входа путь круто раздваивался. Налево шла вполне ухоженная бетонная дорожка, кое-где покрытая остатками коврового покрытия. Направо путь продолжался в виде уже не бетоном выложенного туннеля, а просто земляной выработки, даже не усиленной и не укреплённой деревянными подпорками и крепёжным брусом. Приходилось понимать так, всякие работы в этом направлении были внезапно прерваны. Может быть и в виду скоростного, позволявшего избежать полного разгрома и капитуляции, заключения мира с СССР маннергеймовской Финляндией в 1944 году. Исторические вопросы нашего героя сейчас, в бункере, совершенно не занимали. И почему бы благородному дону не сходить налево?, – подумал Гранд и выполнил своё решение. Внезапно, впереди забрезжил свет. Учитывая постоянно поднимавшуюся поверхность, можно было понять, впереди выход из туннеля, Точно! Но, большой сюрприз, примерно, отделение кого-то поджидающих егерей. Уж не меня ли ждут, – промелькнуло в голове, и майор поспешно двинулся обратно. Как оказалось, добраться до разветвления и повернуть направо, было делом минут. Очень вовремя! Пришлось бежать.

Сзади настигали егерь и собака, которую в любой момент могли спустить с поводка. Ход сужался. Потолок опускался всё ниже и ниже, очень скоро бег пришлось прекратить. Вперёд можно было продвигаться либо гусиным шагом, либо ползком, а вскоре, только ползком. Пришлось снять рюкзак и вместе с автоматом толкать его перед собой. Но вот впереди показалась небольшая в ширину и длину, но с высоким потолком пещера. Осветив пространство фонарём, майор с удивлением обнаружил, по центру течёт ручей, довольно широкий и глубокий. Там, откуда он вытекал, скалы опускались почти до дна. Выхода в эту сторону не было. Шум, доносившийся из лаза, заставил ускорить принятие решения. Уходил ручей в глубину скал, его дальнейшее русло представляло из себя почти доверху заполненный водой, но, всё же куда-то ведущий, возможный выход. Отойдя на пару шагов от места своего прибытия, майор достал нож и стал ждать. Так и есть. Из отверстия показалась голова огромной собаки с разверзнutoй до невероятной ширины пастью, язык, с которого капала слюна, зубы размером в пару дюймов. Нечего было и думать о рукопашной. Пришлось убрать нож и пристрелить этого демона не быстрой и очень болезненной смерти! Пора было решать. Глубоко вздохнув и осенив себя напоследок крестным знаменем майор вошел в воду. Ледяной холод мгновенно охватил его тело. Тысячи ледяных игл обжигали, да что там, жгли, доставая до самых укромных

мест. Однако, подумалось отчего-то! Тренированное тело, поднырнув под своды ручья, пошло по течению. Очень скоро потолок русла стал выше, уже можно было переправить рюкзак и автомат на спину. До этого сделать так было не возможно. Мешал нависающий свод. Ручей мелел, впереди послышался шум, посветив вперёд, спецназовец понял, пора задерживать движение. Течение ослабевало, что и позволило встать на ноги, а затем осмотреться. Впереди вода падала с небольшой высоты и продолжала движение. Но вот надо ли было и ему подвергаться подобному перемещению? Мотив, слышанный когда-то по радио, со словами: «Прощай хозяин дорогой, а я иду вслед за водой» тут как то не подходил. Внезапно внимание майора привлёк неясный, но отличающийся цветом от окружающих стен, квадрат в самом верху нависающего свода. Четко, в свете фонарика, стали видны написанные по-немецки слова: Ахтунг. Ахтунг». И рисунок человеческой ладони. Недолго думая, ладонь была приложена. И что же? В своде внезапно открылся проход и сверху спустилась лестница, оставалось только подняться. Может именно там скрывался тот самый артефакт, что был обнаружен, но не вынесен, убитыми туристами. Да и вообще, что скрывается за этим учёным словом, представлялось плохо. Вернее, никак! Вот скрылись в лазе ноги поднимавшегося, лестница также поднялась наверх, и проход закрылся. Светлое округлое помещение встретило своего исследователя.

Абсолютно пустое пространство. Ни вещей, ни мебели, ни аппаратуры. Абсолютно ничего. Нда! Только и вымолвил майор. Нравится? – откуда-то сверху раздался милостивый женский голос. Прошу любить и жаловать. Я провела проверку по лингвистическим кодам. По моим данным вы носитель русского языка. Потому и обращаюсь к вам на нём. Присаживайтесь! Тут же, на глазах изумлённого майора, из ничего возникло мягкое удобное кресло, несколько необычной формы. Благодарю, ответил поражённый, но не утративший предосторожности Гранд. Я, как вы видите, совершенно промок, весь в глине. Мне не хочется нарушать этикет и отказываться от предложения, но и пачкать что-либо я тоже не хочу. Нет проблем, – вновь ласково проговорил голос, – Встаньте пожалуйста в круг, обозначенный на полу. Никакого такого круга на полу не было. Но стоило ему чуть двинуться, как четко очерченный обрис метр на метр в поперечнике явственно проявился на полу. Что делать? Конфликтовать пока причин не было. Пришлось стать в середину круга, и сейчас же с потолка упал сноп мощной, чуть вязкой массы. Было такое впечатление, воздух спрессовался, стал настолько плотным, что его можно было бы при желании резать ножом. Через мгновение густение воздуха внезапно прекратилось. Всё, что имело отношение к вещам – экипировка, оружие, одежда и обувь – стало выглядеть так, как будто только что было произведено и всем этим

ни разу не пользовались. Интересно, пронеслось в голове, сохранилась ли работоспособность огневого запаса после такой вот обработки? Нож -то работать должен, чего ему сделается. А с едой как? Тот же голос сказал, – с оружием и едой всё в порядке. Прошу извинить, но вынуждена предупредить. Я читаю ваши мысли. Это первое. И второе. На моей территории у вас врагов нет, расслабьтесь и перекусите. Хотите, используйте свои запасы, а нет, я вам предлагаю обед. Что вы скажете насчёт утки под апельсиновым соусом, креветок по-вьетнамски и ломтиков андижанской дыни на десерт? Выбираю гостеприимство, – подумал майор, и тут же перед ним оказался накрытый низкий столик с серебрянной тарелкой и такого же материала ножом и вилкой. Сверху полилась лёгкая музыка, кажется, это был Гершвин. Серебряная чарка вместимостью в стакан наполнилась вином. «Ахашени», – сообщил тот же го голос, – Урожая 1964 года, а затем стол был дополнен серебрянным судком с уже очищенной от костей жареной уткой, маленькой серебрянной кастрюлей с крупными креветками под коричневым соусом и серебрянного блюда с тонко нарезанными ломтями зрелой, истекающей соком и ароматом дыни. Приятного аппетита! Кушайте на здоровье! Но, майор не спешил приступать к еде, хотя желудок просто заходился в спазмах от этого пиршества цвета, вкуса и запахов. Прошу разделить со мной трапезу, – обратился гость к невидимой хозяйке,

и тут в голосе отчётливо прозвучали нотки откровенного сожаления и скрытого желания. Но я технически не могу, послышалось в ответ. Столько лет одна, всё одна, а тут такой приятный собеседник! Эх! На что не пойдёшь ради хорошего человека! И из стены вышла женщина на вид лет 25, одетая в старинное русское платье. На голове её была кика, следовательно, по русскому обычаю, женщина была или замужем, или вдовой! Или вдова должна носить плат? – промелькнуло в голове. Майор встал, предложил своё кресло пришедшей, и она с грацией царицы села за стол. Немедленно появилось второе кресло. Спросив разрешения, майор так же разместился за столом, на котором непонятно откуда появился второй прибор. Разрешите представиться, – начал гость. Майор российского спецназа Солнцев Евгений Николаевич. С кем имею честь? В ответ послышался тихий вздох. Давайте начнём наш обед, надеюсь вам у меня понравится. Прошу начинать. Стол за это время дополнился хрустальным графином с прозрачной жидкостью, а так же набором тарелок, серебряных вазочек и судков, заполненных чёрной, красной и белой икрой, грибами нескольких сортов, отварной картошкой, посыпанной свежим укропом, да рыбой-осетром, размером на половину немалого пространства стола. Майор налил себе из хрустального графина в серебряную стопку, вопросительно посмотрел на хозяйку. Та с улыбкой показала на вино. Было налито и ей. Итак, заговорила женщина,

я возвращаюсь к вашему вопросу. Я реальна, как у вас говорят, во плоти. Но по происхождению, я не принадлежу к человеческому роду. На земле до сих пор сохранились отголоски древних легенд и сказаний, в которых можно почерпнуть сведения и о нас, давайте сначала утолим голод. В облике русской женщины я испытываю чувства, которые присущи всем жительницам планеты Земля! За вас, – сказал майор. Пусть я до сих пор ничего не понимаю, так даже интереснее. В любом случае, если бы не гостеприимство, сейчас я бы уже принял бой и вероятнее всего погиб. Так что пью за вас! С этими словами стопка лихо опорожнилась. Женщина пригубила своё вино, трапеза началась. Только сейчас Евгений понял, как он устал и проголодался. Утка и рыба, холодные закуски и креветки – всё пошло в ход. Запасы еды стремительно таяли, хозяйка, увидев очень поредевшие блюда, очевидно распорядилась. Стол пополнился узбекским лагманом и мантами. Прекрасным дополнением была и садовая земляника со взбитыми сливками. Но и самому хорошему может быть положен предел. Основательно перекусивший майор почувствовал, ещё немного, и он просто напросто лопнет. По крайней мере ощущение было именно такое. Извините, – сказала хозяйка. Так получилось, что я забыла представиться. Обращайтесь ко мне, называя славное русское имя Татьяна, я вижу, что и самый мужественный воин не может противиться силам греческого бога сна Морфея. Ваша постель накрыта,

спокойной ночи, про всё остальное переговорим после отдыха. Хорошо? Столик с остатками трапезы и стоявшими рядом стульями исчез, но у одной из стен внезапно появилась тахта с ковром и мутаками в изголовье. Она была точной копией его спального места, оставшегося в далёкой Москве! И даже плед в сине-белую клетку был совершенно знаком. Свет стал менее ярким, исчезли звуки джазовой гершвиновской музыки. Спать, спать, спать, подумалось как-то сразу, а затем майор ощутил себя лежавшим на тахте, накрылся пледом и просто упал в глубокий сон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.